

STANFORD SLAVIC STUDIES

Volume 48

Series Editor
Lazar Fleishman

**Across Borders: 20th Century
Russian Literature and Russian-
Jewish Cultural Contacts**

Essays in Honor of Vladimir Khazan

Edited by
Lazar Fleishman and Fedor Poljakov

PETER LANG

Bibliografische Information der Deutschen Nationalbibliothek

Die Deutsche Nationalbibliothek verzeichnet diese Publikation in der Deutschen Nationalbibliografie; detaillierte bibliografische Daten sind im Internet über <http://dnb.d-nb.de> abrufbar.

Library of Congress Cataloging-in-Publication Data

A CIP catalog record for this book has been applied for at the Library of Congress.

Umschlagabbildung: Photo of Vladimir Khazan
by courtesy of Mila Tantsman
Cover Design: © Olaf Gloeckler, Atelier Platen

Gedruckt auf alterungsbeständigem, säurefreiem Papier.
Druck und Bindung: CPI books GmbH, Leck

ISBN 978-3-631-76163-2 (Print)
E-ISBN 978-3-631-77066-5 (E-PDF)
E-ISBN 978-3-631-77067-2 (EPUB)
E-ISBN 978-3-631-77068-9 (MOBI)
DOI 10.3726/b14781

© Peter Lang GmbH
Internationaler Verlag der Wissenschaften
Berlin 2018
Alle Rechte vorbehalten.

Peter Lang – Berlin Bern Bruxelles New York
Oxford Warszawa Wien

Das Werk einschließlich aller seiner Teile ist urheberrechtlich geschützt. Jede Verwertung außerhalb der engen Grenzen des Urheberrechtsgesetzes ist ohne Zustimmung des Verlages unzulässig und strafbar. Das gilt insbesondere für Vervielfältigungen, Übersetzungen, Mikroverfilmungen und die Einspeicherung und Verarbeitung in elektronischen Systemen.

Diese Publikation wurde begutachtet.

www.peterlang.com

Contents

<i>В.М. Паперный</i> Александр Блок и большевистская революция	9
<i>Magnus Ljunggren</i> A Word from the Gospel in <i>Peterburg</i>	21
<i>Роман Тименчик</i> На Именного указателя к «Записным книжкам» Ахматовой	29
<i>Лурика Меймре</i> Петр Пильский – творец собственной биографии	45
<i>Г. Обатнин</i> «Возьмем хотя бы нашего милого, славного Дымова». На размышлений над <i>Солнцеворотом</i>	69
<i>Борис Равдин</i> Иван Лукаш между Берлином, Парижем и Ригой (К истории рижской журналистики 1920-х гг.)	83
<i>Павел Лавриненц</i> К жизнеописанию Давида Кагана	105
<i>Carmen Sippl</i> „Die Werkstatt des Wunders“: Alexander Eliasberg und die ostjüdische Literatur	137
<i>Стефано Гардзонио</i> Марк Вальтух, итальянский философ и литератор из Одессы	153
<i>Leonid Livak</i> Russian Émigrés in the Intellectual and Literary Life of Interwar France: Addenda et Corrigenda	159
<i>Андрей Устинов</i> Литературный авангард русского Парижа и его берлинская аудитория	203

<i>Елена Погорельская</i> Исаак Бабель во Франции (к истории двух поездок)	209
<i>Mirja Lecke</i> Одесское лицо. Комедия «Чужбина» (1907/08) В. Жаботинского	235
<i>Михаил Одесский, Моника Спивак</i> Персонажи диалоги И. Ильфа и Е. Петрова в перспективе «Серебряного века»	251
<i>Игорь Лоцилов</i> К предположительной атрибуции одного неподписанного фельетона	267
<i>Григорий Утгоф</i> К генеалогии Адама Круга	275
<i>К. Азадовский</i> Два письма Леонида Пастернака (к истории портрета Рильке)	283
<i>Lazar Fleishman, Piotr Mitzner</i> Флирт с «Каменной» Новые письма и статьи Льва Гомолицкого	297
<i>А.М. Грачева</i> Рукописный альбом Алексея Ремизова «Щуп и цапля» 1948 г.	409
<i>Федор Поляков</i> «Мышонок»: Михаил Горлин в парижском окружении Алексея Ремизова	423
<i>Wim Coudenys</i> Ivan Nazhivin's Distorted Image of Paris	441
<i>Олег Будницкий</i> Русские еврей-эмигранты накануне и в начале Второй мировой войны: Из переписки Б.Л. Гершуна и А.А. Гольденвейзера	455
<i>Манфред Шруба</i> Вадим Андреев в журнале и издательстве «Русские записки»	499

<i>Ирина Белобровцева</i> Судьба архива И.А. Бунина: мифы и реальность	535
<i>Yasha Klots</i> The Way Back: Kathryn Feuer's and Gleb Struve's Letters on Academic Exchange, Yulian Oksman and Crossing the Soviet-Finnish Border (June, 1963)	557
<i>Paolo Mancosu</i> The Hunt for the Seventh Typescript	585
<i>Микела Вендитти</i> Об эпиграфах к двум поздним романам Г. Газданова	623

Иван Лукаш между Берлином, Парижем и Ригой (К истории рижской журналистики 1920-х гг.)

Борис Равдин

Рига

Для людей с повышенной национально-государственной возбудимостью, жадой борьбы за возвращение утраченных идеалов, приверженностью к мировым столицам, провинция – лишь запасное, временное поле боя. В особенности, для эмигрантов, оказавшихся в провинции случайно или вынужденно, по причинам семейным, материальным, конспиративным и др.

Как известно, в середине 1920-х годов Берлин переставал быть столицей русской эмиграции. Летом 1925 г. стремившемуся вырваться из Берлина Ивану Сазонтовичу Лукашу, писателю и журналисту, поступило два предложения: одно – занять место берлинского корреспондента замышлявшейся парижской газеты *Возрождение*, другое – принять непосредственное участие в работе одной из рижских газет и переселиться в Ригу.

Ниже отражение ситуации и ее развития в письмах И. Лукаша редактору *Возрождения* – П.Б. Струве, в выдержках из других источников. Попутно – несколько замечаний в связи с публикуемыми материалами.

Письма И.С. Лукаша П.Б. Струве печатаются по: P. Struve Collection. Box 27, f. 9. Hoover Institution Archives; письма А.В. Амфитеатрову – по: A. Amfiteatrov Mss. Box. 4. Manuscript Department, Lilly Library, Indiana University, Bloomington.

Благодарим Э. Гаретто, А. Долинина, О. Коростелева, Н. Перлину и Л. Флейшмана за помощь в работе.

16 Мая 1925 года

Берлин

Глубокоуважаемый Петр Бернгардович,

Сотрудничество в издании, руководимом Вами, будет для меня честью и гордостью. С благодарностью принимаю предложение, в котором прежде всего вижу внимание ко мне, вовсе мною незаслуженное.

Но вместе с тем, полная необеспеченность, тягостная нищета наша вынуждают меня обратиться к Вам с горячей просьбой!

Ваше предложение ударило меня по самому больному месту, ведь вот уже скоро год, как я бьюсь и пытаюсь вырваться отсюда в Париж. Тут я ни разу не имел постоянного заработка. Тяжело подумать, как напряженно существовали мы¹ эти годы без всяких надежд хотя бы немного поработать над выполнением замыслов моих, не гадая о двух-трех марках на завтра.

Тащить семью на еще быть может горшующую нищету в Париж я не осмеливался. Около года я добиваюсь там работы, но во всех ответах – «все занято, ничего нет». Ну, что тут делать, если занято и нет.

Но вот теперь, когда открывается «Возрождение»² горячо прошу Вас, если во мне может быть надобность в самом Париже, – дать мне работу там, на месте – редакционную, конторскую, ночной выпуск, репортаж. Мне решительно все равно, какую именно, только бы мне известную и постоянную. Это дало бы моей семье какой-нибудь постоянный заработок, и до тревоги необходимую передышку усталой вконец Тамаре Львовне, а меня бы привело в Париж. Ведь все-таки я писатель, и многие замыслы мои – например, 12-ый год³ – остановятся, если Бог не приведет меня туда.

Горячо прошу, ради Бога. Я согласен на Ваши условия и на любую работу у Вас.

Обстоятельства, вынуждают меня просить возможно скорого, даже срочного ответа на мое предложение.⁴

И я, если судьба подарит улыбку, согласен выехать в Париж хотя бы и завтра.

Примите уверения в совершеннейшем уважении и глубокой преданности моей.

Иван Лукаш.

Berlin W 62, Lützowplatz 4, Gartenhaus, bei Haken

1 Речь идет о семье И. Лукаша во втором браке – жене Тамаре Львовне Лукаш (ур. Унаньян, 1900–1974, Венесуэла) и дочери Вере (в замужестве – Панченко; 1924 – не ранее 1974, Венесуэла?), художнице, скульпторе, в годы войны кратковременному автору газеты *Парижский Вестник*. В Удостоверении личности Т. Лукаш, выданном МИД Латвии 3 дек. 1925 г., фамилия по отцу указана: Унанов (Unanov). – См.: LVVA (Гос. ист. архив Латвии). 3234. F., 13729 l., 4. lp.

2 Первый номер *Возрождения* вышел 3 июня 1925 г.

3 Вероятно, речь идет о романе *Пожар Москвы* (Париж: Возрождение, 1930).

4 Срочность была вызвана необходимостью ответа на рижское предложение.

13 июня 1925 года

Берлин

Глубокоуважаемый Петр Бернгардович,

Тотчас по получении Вашего приглашения участвовать в «Возрождении» я ответил согласием и глубокой благодарностью.

В том же моем письме я просил Вашего участия в вопросе о переезде моем в Париж и предлагал, если бы к тому представилась возможность, стать на любую, самую незначительную, но постоянную органическую работу в Вашем органе.

Не получая ответа на мое предложение, я полагал, что письмо не дошло.

Поэтому настоящим снова прошу принять мое согласие и мою благодарность и не отказать ответом на мое встречное предложение. Возможность переезда в Париж и любой в силах моих органической роли в «Возрождении» для меня во многом вопрос моей дальнейшей деятельности и жизни в эмиграции и моего участия в борьбе за национальное освобождение.

Поэтому мне снова остается только просить Вашего внимания, помощи и участия.

Ввиду того, что меня вызывают в Ригу на безыдейную работу, которая, в чем я не сомневаюсь, дав необходимый кусок хлеба, съест меня и мои художественные замыслы и отбросит от национального бытия эмиграции, – я вынужден просить Вашего скорого по возможности ответа. При самой слабой надежде быть в Париже, куда я стремлюсь вот уже скоро год, я буду ждать в Берлине и ни в какие Риги ни за что не поеду, а выкарабкаюсь в Париже.

С глубоким уважением,

Иван Лукаш.

Berlin W 62, Lützowplatz 4, Gartenhaus, bei Haken.

Волею обстоятельств И. Лукашу пришлось принять рижское предложение.⁵ Но не совсем понятно, от кого оно исходило? От газеты *Сегодня*, где с конца 1922 г. по конец августа 1925 г. Лукаш относительно регулярно

5 О пребывании И. Лукаша в Риге см.: Ю. Абызов. *Газета «Слово» 1925–1929. Ростись* (Рига: Даугава, 2003); Ж. Бадин, «Идиллический и сатирический образ Латгалии в литературе русской эмиграции 1920–1930-х гг.» (http://www.russian-resources.lt/archive/Mater/Badin_1.html); П. Глушаков, «Генрих Гроссен и Иван Лукаш о Гоголе (Восприятие писателя в русской журналистике Латвии)» (<http://domgogolya.ru/science/researches/1544/>); И. Лукаш, «Часы Людовика. Гомункулус. Рассказы». Предисл. и публ. Р. Тименчика, *Даугава*, 1988, №6, стр. 50–51; Л.

печатал свои рассказы, куда он рекомендовал В. Набокова, вероятно, и других берлинских авторов. Или же предложение поступило от Н.А. Белозерова, владельца Акционерного общества печатного дела «Саламандра», где готовилась к выходу в Риге газета *Слово*.

Л. Король-Пурашевич, многолетний сотрудник петербургской и рижской печати, частенько прибегавший к фельетону, склонный к диффамации, не брезговавший газетным пасквилем, утверждал:

Лукаша выписала в Ригу газета «Сегодня», издателей которой Лукаш сумел «заболтать».⁶

Принято считать, что Лукаш в Риге был связан исключительно с газетой «Слово», и к приведенному показанию Короля-Пурашевича приходится отнестись с недоверием.

Вернемся к письму Лукаша в Париж от 13 июня:

<...> меня вызывают в Ригу на безыдейную работу, которая отбросит <меня> от национального бытия эмиграции <...>

Как трактовать эти строки? То ли Лукаш несколько «темнил», взывая к национально-государственным убеждениям редактора *Возрождения*. То ли речь действительно должна идти о приглашении со стороны либеральной *Сегодня*, политическая программа которой не соответствовала убеждениям Лукаша середины 1920-х гг., но потребность в регулярном заработке могла заставить его на время принять приглашение. А нуждалась ли *Сегодня* в присутствии Лукаша в Риге? Разве для связи с ним недостаточно было наличия почтового сообщения между Ригой и Берлином?

Краткий некролог в газете *Сегодня* 1940 г. рассеивает наши сомнения:

Спроге, «Загадка старца Ф.К.: чей криптоним ЛК в рижской газете «Слово»?», *Псевдонимы русского зарубежья. Материалы и исследования* (Москва: Новое литературное обозрение, 2017), стр. 177–189; Л. Спроге, «Пушкинский миф Ивана Лукаша», *Пушкинские чтения в Тарту*. 2 (Тарту, 2000), стр. 331–343; Л. Флейшман, Ю. Абызов, Б. Равдин. *Русская печать в Риге. Из истории газеты Сегодня 1930-х годов*. Кн. I (Stanford Slavic Studies. Vol. 13) (Stanford, 1997), стр. 85–87, 215–217; кн. II, стр. 193–194.

6 <Л. Король-Пурашевич>, «Отчего погибла «Саламандра», За кулисами Риги, 1929, №56, 10 августа, стр. 5.

Умер И.С. Лукаш

С начала 1925 года до конца 1927 г. он <Лукаш> жил в Риге и принимал здесь близкое участие сначала в «Сегодня», а затем в течение 2½ лет в газете «Слово» и журнале «Перезвоны».⁷

Значит, Лукаша вызвала в Ригу все-таки *Сегодня*! Вероятно, газета рассчитывала с помощью Лукаша создать представление об активизации «правой» линии в газете. Приглашение И. Лукаша шло в русле борьбы *Сегодня* с возникшими конкурентами – парижским *Возрождением* и рижским *Словом*, газетами национально-консервативного направления.

А что же «Слово»? Как Лукаш оказался в этой газете с подзаголовком «Большая русская национально-демократическая газета»? Вернемся к Королю-Пурашевичу, руководствовавшемуся, скорее всего, слухами и своим недоброжелательным отношением к Лукашу:

<...> издатели *Сегодня* сразу же, после первого дня работы, определили удельный вес Лукаша как работника и выкинули его.

«Саламандра», конечно, подобрала этот отброс».⁸

Так ли было дело? В любом случае, Лукаш перешел в *Слово* не позднее середины октября 1925 г. Об этом свидетельствует приглашение ряду писателей журналистов к сотрудничеству с новой газетой, от имени редакционной коллегии подписанное Лукашем. Письмо за № 6 от 19 октября 1925 г. было направлено А. Амфитеатрову:

Акционерное Общество Печатного Дела «Саламандра» согласилось оказать содействие к созданию в Латвии большой русской газеты путем преобразования и расширения существующей здесь газеты «Вечернее время».

Программа газеты:

Национальное возрождение России.

Защита национальных прав русского меньшинства в Латвии.

Единение всех национально-культурных сил зарубежной России для борьбы с большевизмом.

7 *Сегодня*, 1940, №142, 23 мая, стр. 6. На некоторые хронологические неточности некролога (мол, Лукаш жил в Риге с начала 1925 г.) можно не обращать внимания – из приведенного выше письма И. Лукаша очевидно, что в июне 1925 г. он еще в Берлине. В Удостоверении личности И. Лукаша (Ivans Lukaš, Jean Loucach), выданном МИД Латвии, виза на въезд в Латвию датирована 21 августа 1925 г. См.: LVVA. 3234. F, 13728, l., 5. lp. Судя по некоторым пометам в том же удостоверении, в Латвию он въехал 12 сентября или 12 октября; вероятнее – 12 сентября.

8 <Л. Король-Пурашевич>. *Цит. соч.*

Единение с латвийской интеллигенцией на началах признания и уважения Российской национальной культуры.

Вместе с Вами к сотрудничеству приглашаются: проф. Айхенвальд, Арцыбашев, Алданов, Амфитеатров, Митр<ополит> Антоний, М.Г. Бережанский <так!>, В. Бурцев, проф. Бернадский, И. Биккерман, о. Булгаков, Бунин, А. Борман, кн. Волконский, проф. Виппер, С. Горный, Дон-Аминадо, проф. Давац, Б. Зайцев, К. Зайцев, Изгоев, проф. Ильин, Куприн, Краснов, С. Кречетов, А. Ксюнин, А. Карташев, проф. Кизеветер <так!>, И. Лукаш, Гр. Ландау, Л. Львов, Н. Львов, проф. А. Тимашев, Вл. Татаринов, Еп<ископ> Тихон, А.С. Хрипунов, Ев. Чириков, А. Черный, Ив. Шмелев, В. Шульгин, А. Яблоновский, П. Ярцев, В. Немирович-Данченко, Бар<он> Нольде, Б. Неандер, Ив. Сургучев, акад. П.Б. Струве, гр. А. Салтыков, проф. К. Соколов, М. Семенов, Митр<ополит> Платон, доктор Пасманник, А. Ремизов, Н. Теффи <так!>, А. Тыркова-Вильямс и др. <...>

С совершенным уважением

Редакционная Коллегия

Иван Лукаш.⁹

Но продолжим список обвинений Короля-Пурашевича в адрес Лукаша:

«Слово» не только не сумело увеличить бывший тираж «Вечернего времени», но потеряло больше пятидесяти процентов этого тиража и так и не поднялось до него за все время своего существования. Как редактор, Лукаш оказался бездарнее тех ножниц, которыми пытался оперировать <...>.

И он долго губил газету...¹⁰

Сведения злопыхателя Короля-Пурашевича верны только для 1929 г., может быть, для части 1928 г.¹¹ Но в предыдущий период положение было иным. По материалам фонда Департамента печати и обществ Министерства внутренних дел Латвии, в 1925 г. тираж избранных номеров *Вечернего Времени* колебался от 4 500 до 5 700 экз., а тираж соответствующих выпусков *Слова* за 1926–1927 гг. составлял 4 570 – 7 980 экз.¹²

9 Из письма И. Лукаша А. Амфитеатрову от 20 октября следует, что первоначально газету предполагалось назвать *Русское Слово*. Позднее от этого названия пришлось отказаться: «Мы решили не называть себя «Русским Словом», т.к. <как> к <как> на эту фирму прав не имеем» (Письмо Лукаша Амфитеатрову от 5 ноября 1925 г.).

10 <Л. Король-Пурашевич>. *Цит. соч.*

11 По показаниям сотрудника *Слова* С. Коренева, к концу существования газеты ее тираж упал ниже 2 000 экз. См.: «Судьбы деятелей культуры, репрессированных советской властью». Предисл. и публ. Ю. Абызова, *Балтийский архив*. II, стр. 75.

12 См. по *Вечернему Времени*: LVVA. 3283. F., 92. l., 265, 573, 577, 598–599. lр.; 97. l., 99. lр. (ср. 344. lр.); по *Слову*: там же, 95. l., 441., 736. lр.; 96. l., 311, 793. lр.; 97. l., 319. lр.; 99. l., 413. lр. Речь идет только о проштрафившихся номерах. Тираж периодических изданий считался коммерческой тайной, но в случае отступления

Слово начало выходить в середине ноября 1925 г. Полагаем, открывавшая газету программная статья «На наших дорогах» за подписью – Петровский (вероятно, с оглядкой на преобразования Петра) – принадлежит И. Лукашу.¹³

Два месяца Лукаш редактировал газету единолично. Об этом он отчасти рассказал в очерке «Редакция», посвященном годовщине со дня выхода первого номера.¹⁴

Вскоре после выхода начальных номеров газеты в напарники Лукашу было решено призвать из Берлина Н. Козырева (Бережанского), человека в газетно-журнальном деле опытного, редактора *Сегодня* на раннем ее этапе, редактора ряда берлинских изданий середины 1920-х гг. После переговоров с Бережанским «Саламандра» 25 ноября обратилось в Министерство внутренних дел Латвии с прошением разрешить Н. Бережанскому въезд в Латвию. Поскольку Бережанский был известен своими весьма критическими статьями в отношении официальной историографии Латвии, «Саламандра» мотивировала необходимость в Бережанском прежде всего тем, что он издательству «крайне необходим как техник-специалист по газете, журналу и организуемой издательством цинкографии».¹⁵ Прошение завершалось следующим оборотом: «Равным образом, издательство ручается за политическую лояльность к Латвии Н.Г. Козырева». 15 декабря, после процедуры проверки политической благонадежности Бережанского через структуры Политического управления, прошение «Саламандры» было удовлетворено,¹⁶ о чем в одном из ближайших номеров известило *Слово*, причем предстоящая должность Бережанского в заметке обозначена не была, отмечалось лишь – «для ближайшего сотрудничества».¹⁷

Еще до официального разрешения Бережанского на въезд в Латвию, Лукаш 5 ноября 1925 г. обратился к А.В. Амфитеатрову, по сути, с

издания от положений Закона о печати, редакция обязана была сообщить сведения о тираже номера в соответствующую инстанцию – денежный начет накладывался в зависимости от тиража.

13 *Слово*, 1925, №1, 11 ноября, стр. 2. Вероятно, ему же принадлежит посвященная его любимой теме – призыву к русскому единству – статья за подписью «Редакция» – *Слово*, 1925, №5, 16 ноября, стр. 2.

14 См.: *Слово*, 1926, №326, 11 ноября, стр. 2.

15 LVVA. 3234. F., 5. арг., 8268. l., 1. lр.

16 Там же, 4. lр. Бережанский приехал в Ригу 21 декабря; до конца 1927 г. виза ему продлевалась на срок от недели до трех месяцев. См. об этом: LVVA. 2996. F., 10. арг., 38978 l., 1.-3. lр. Ср.: «К высылке пяти нансенистов из Латвии», *Слово*, 1927, №530, 11 июня, стр. 3.

17 См.: «Н.Г. Бережанский едет в Ригу», *Слово*, 1925, №32, 18 декабря, стр. 2.

комплиментарным вопросом: не согласился бы тот «прибыть в Ригу на почетнейший газетный пост», оговорив при этом, что предложение это исходит исключительно от него самого, что издательство и не подозревает о его, Лукаша, инициативе. Амфитеатров поделился предложением Лукаша с М. Арцыбашевым, на что тот в письме от 4 декабря 1925 г. ответил уничижительной оценкой как *Сегодня*, так и *Слова*, причем досталось и Лукашу:

Верьте Вы этому Лукашу больше! Он от всего приходит в восторг, а потом гнет свою линию, как будто ничего и не было. Конечно, ко мне он не обратился и не обратится, ибо ему гораздо веселее быть самому редактором, чем посадить себе на шею какую-нибудь тяжеловесную фигуру. Впрочем, откровенно говоря, вряд ли бы я решился взять редактуру «Слова». Судя по всему, их идеал – именно лавочка, типа «Сегодня». Для того же, чтобы редактировать чисто репортерскую газету, я не гоюсь. А превращаться в серьезную политическую газету они, конечно, не хотят, ибо и на самое издание их соблазнили барыши «Сегодня».¹⁸

Вероятно, Амфитеатров в какой-то форме оповестил Лукаша об отзыве Арцыбашева относительно репортерского характера первых номеров газеты. Во всяком случае, 17 декабря того же года Лукаш писал Амфитеатрову:

«Слово» меняется. Ведь мы молчали, щупали обстановку, искали читателя. Теперь – заговорим, грянем, отойдем от русской газетной пошлятины. Сюда в помощь мне уже выехал из Берлина Н.Г. Бережанский. Прошу Ваших указаний и впредь, если возможно.

Амфитеатров не отказывался наставлять *Слово*, о чем свидетельствует письмо Лукаша от 5 января 1926 г.:

Глубокоуважаемый Александр Валентинович,
Спасибо за указующее письмо. Да, к сожалению или не к сожалению, «Возрождением» мы быть не можем.
Мы – вечерняя газета и это во многом определяет нашу задачу. Но внутренний стержень, но *русская дорога* у нас есть и при указании и крепкой поддержке таких сил, как Вы, мы твердо верим и знаем, что на русскую нашу дорогу выйдем с победой.

С глубоким уважением
Иван Лукаш.

* * *

18 «Амфитеатров и русские в Польше (1922–1932)». Публ. Д. Зубарева, *Минувшее. Исторический альманах*. 22 (С.-Петербург: Atheneum – Феникс, 1997), стр. 444.

До приезда Бережанского в Ригу между *Сегодня* и *Словом* соблюдался вооруженный нейтралитет, но война могла начаться в любую минуту. О готовности *Слова* к сражениям говорит недатированное письмо Лукаша конца октября-начала ноября 1925 г. А. Амфитеатрову, в котором Лукаш, в частности, писал:

Мне стало известно, что издатели конкурирующей газеты «Сегодня» распространяют клеветническое, инсинуирующее письмо, к которому следует отнестись с должной осторожностью. Ответ последует на днях.

Сведения Лукаша не подтвердились, во всяком случае, в ноябрьских номерах как *Сегодня*, так и *Слова* нет никаких предвестников ближайшего открытия военных действий между газетами. Начались они лишь в феврале 1926 года в связи с публикацией в *Слове* записок известного авантюриста А. Пирро.¹⁹

Лукаш был непосредственным участником этой войны, пусть и анонимным. В *Слове* с 1 февраля 1926 г. под псевдонимом Ив. Сазонов он вел колонку «Русские заметки». 17 февраля 1927 г. в этой колонке, без подписи, была напечатана статья «Наглый цинизм», посвященная «газетным шулерам» из *Сегодня*.²⁰

Накал войны несколько удивил даже В. Набокова, который 20 февраля 1926 г. в свойственной ему саркастической манере писал Г.П. Струве:

Лукаш так в Риге раскуролесился, что просто диву даюсь. Его газетка и газетка «Сегодня» вцепились друг дружке в горло, – не газеты, а сплошной хрип. Ключья шерсти так и летят. Прямо умора. Мне будет немного стыдно с ним встретиться. Газета все-таки не должна быть кистенем, а то срам.²¹

Спустя полгода в занятиях газетой наступает у Лукаша усталость, приходит неуверенность в способности газеты твердо идти нужным путем, – это можно прочесть в его письме Амфитеатрову от 8 июня 1926 г.:

Кое-как, но газетчину <Курсив наш. – Б.Р.> мы наладили, и я считаю себя вправе вновь пересесть на бедное писательское кресло мое.

19 См. об этом: Л. Флейшман, Ю. Абызов, Б. Равдин. *Цит. соч.* Кн. 1, стр. 85–87, 216–217.

20 См.: *Слово*, 1927, №79, стр. 2.

21 «Письма В.В. Набокова к Г.П. Струве. 1925–1931». Часть первая. Публ. Е.Б. Белодубровского и А.А. Долинина. Вступ. заметка и коммент. А.А. Долинина, *Звезда*, 2003, №11, стр. 123. По устным сведениям А.А. Долинина, в 1990-х гг. письма В. Набокова И. Лукашу предлагались к продаже наследниками Лукаша. В настоящее время их местонахождение неизвестно.

В этом же письме проблескивает отдаленная надежда в ближайшее время достичь Парижа, и вряд ли в рамках отпуска.²²

Может быть, осенью буду в Париже, а там, даст Бог, подамся и в Италию. Писать смерть охота.

Вообще, нужно учесть, что Латвия была не самым благоприятным местом для реализации национальной программы *Слова*, как ее понимал Лукаш. Недаром уже 3 ноября 1925 г. он писал Амфитеатрову:

Прошу ни минуты не забывать, что мы выходим в Суверенной Латвийской Республике.

Повторное напоминание содержалось и в письме Лукаша от 5 ноября тому же адресату:

Выходим мы, прошу помнить, в Суверенной Латвийской Республике.

* * *

Вместе с женой и дочерью Лукаш распростился с Латвией 27 апреля 1927 г.²³ и поначалу относительно щедро делился с читателями *Слова* своими смешанными впечатлениями от Германии и Франции и очерками на прочие темы.²⁴

В Риге полагали, что уход Лукаша из *Слова* был вызван двоевластием в газете. Во всяком случае, так считал один из сотрудников *Слова* – Г. Гроссен:

В редакции он пробыл недолго: горячий и вспыльчивый Лукаш встретился с еще более горячим и притом желчным Николаем Григорьевичем <Бережанским>, не идущим ни на какие компромиссы – оба были главными редакторами и ужиться, конечно, в одном гнезде не могли, и Иван Сазонтович, тянувшийся в

22 Судя по Удостоверению личности И. Лукаша, за время пребывания в Латвии он выезжал только в Эстонию.

23 См. соответствующий штампель в Удостоверении личности И. Лукаша. – LVVA. 3234. F., 13728. arg., 13. lp. В этом же Удостоверении регистрировались разрешения на продление пребывания Лукаша в Латвии – первоначально, на несколько месяцев, а в 1927 г. очередное разрешение, как правило, выдавалось только на две недели, что может говорить об определенном недоверии МИД Латвии к Лукашу. Виза во Францию была получена Лукашем 30 марта. См.: Удостоверение личности И. Лукаша. Л. 12 об.

24 См., например, его статьи за 11, 14, 17 мая, 26, 27 июня 1927 г. Подробнее см.: Ю. Абызов. *Русское печатное слово в Латвии 1917–1944 гг. Библиографический справочник*. Ч. II. Д.-Л (Stanford Slavic Studies. Vol. 3:2) (Stanford, 1990), стр. 410–411.

Париж, ушел, приглашенный в газету «Освобождение» <Правильно: «Возрождение». – Б.Р.>²⁵

На наш взгляд, отношения Лукаша с Бережанским могли всего лишь усилить немолкнувшее желание Лукаша бежать из провинциальной Риги.

11 ноября 1926 г. А. Тыркова-Вильямс, давний сподвижник Лукаша по редакционной работе, позднее – соавтор неизданного романа, автор некролога Лукашу в *Возрождении*²⁶, писала сыну – А. Борману:

Получила отчаянное письмо от Лукаша. Пропадает. Просится в Париж.²⁷

Письмо Лукаша Тырковой-Вильямс, надо полагать, подводило итоги годовой работы Лукаша в Риге и по времени совпадало с его же юбилейной статьей в *Слове*.

Слово просуществовало три с половиной года, с ноября 1925 г. по июнь 1929 г., сперва издавалось шесть раз в неделю, с 1928 г. газета постепенно переходила на еженедельный выпуск, в 1929 г. несколько месяцев печаталась под названием *Наше Слово*.

Отзывы сотрудников *Слова* о Лукаше-редакторе не слишком лицеприятны.

С.А. Коренев, арестованный советскими органами в 1940 г., показывал на следствии:

В 1925 году и появилась газета «Слово», шеф-редактором ее был приглашен И.С. Лукаш. <...> Направление газете давалось Лукашем, который фактически взял на себя большую часть работы по заданию тем, правке и приему материала, созданию «сенсаций» и т.п. Делал он это бестолково, неграмотно, и к 1926 году

25 Г. Гроссен (Нео-Сильвестр), «Жизнь в Риге», *Даугава*, 1994, №2, стр. 190.

26 Ариадна Тыркова, «Знаменосец», *Возрождение*, 1940, 24 мая, стр. 3. Приход Лукаша в *Возрождение* бдительный И. Ильин в письме И. Шмелеву от 22 августа 1927 г. связывал с тем, что «уже полгода, как редакция <...> штурмуется русским зарубежным масонством <...>. Вот почему всплыли за последнее время новые сотрудники, не имевшие дотоле шансов (Иван Лукаш, масон <...>». – И.А. Ильин. *Собрание сочинений. Переписка двух Иванов. 1927–1934* (Москва: Русская книга, 2000), стр. 53. О Лукаше-масоне см.: А.И. Серков, «Масонская ложа Великий Свет Севера и русские писатели (1922–1923 гг.)», http://lichtloge.de/?page_id=33; он же: *Русское масонство 1731–2000. Энциклопедический словарь* (Москва: РОССПЭН, 2001), стр. 494–495.

27 «А.В. Тыркова-Вильямс по ее письмам и воспоминаниям сына», *Возрождение* (Париж), 164 (1965, август), стр. 95.

сначала на помощь, а потом и на смену Лукашу из Берлина был выписан новый шеф-редактор Н.Г.Бережанский.²⁸

Г. Гроссен, мемуарист весьма добродушный, о Лукаше писал неоднократно,²⁹ прежде всего отмечая его любовь к оставленной родине. В расширенном своде своих воспоминаний он оставил такую характеристику Лукаша:

Как журналист он был слабоват, тем более, что местных, рижских порядков и обычаев он совсем не знал, но он был русский патриот и ярый антибольшевик.³⁰

Оценка почти годовой работы *Слова* содержится в письме от 4 октября 1926 г. бывшего издателя *Вечернего Времени* В.И. Снегирева В.Н. Унковскому, сотрудничавшему как в *Вечернем Времени*, так и в *Слове*:

Я очень сожалею, что закрылось «Вечернее» Вр^емя». Оно могло еще долго существовать. Я соблазнился расширением газеты, созданием большого русского национального органа, а вместо этого получилось ни то ни се. Вскоре и самому мне пришлось уйти из «Слова» по причине душливой атмосферы и какого-то влияния между Сциллой и Харибдой.³¹

14 сентября 1928 г. Н. Бережанский писал в Париж В.Л. Бурцеву, относительно недавнему гостю Риги:

С душевным прискорбием сообщаю, что «Слово» с 15-го сентября приказало долго жить, и Ваш покорный слуга остался без работы и без копейки денег, как это и полагается русскому журналисту. На досуге, которого теперь у меня будет много, я напишу Вам, почему и при каких обстоятельствах погибла газета.³²

В фонде В. Бурцева, отложившемся в Бахметьевском архиве, среди корреспонденций Н. Бережанского писем соответствующей тематики нами не обнаружено.

Отчасти точка зрения Бережанского реконструируется из воспоминаний Г. Гроссена: будто бы Бережанский, не сбрасывая со счета финансовую

28 «Судьбы деятелей культуры, репрессированных советской властью», *Балтийский архив*. II, стр. 75.

29 См.: Г. Гроссен, «Памяти писателя Ивана Лукаша», *Для Вас* (Рига), 1940, №23, 2 июня, стр. 4; Г. Нео-Сильвестр, «Год работы Ивана Сазонтовича Лукаша (Светлой памяти писателя)», *Возрождение*, 174 (1966, июнь), стр. 113–118; «Иван Лукаш и Н. Бережанский», в кн.: Г. Нео-Сильвестр. *На буреломе (Воспоминания русского журналиста)*. (Frankfurt/Main: Possev, 1971), стр. 124–125.

30 Г. Гроссен, «Жизнь в Риге», *Даугава*, 1994, №2, стр. 190.

31 Vladimir Unkovskii Papers. Bakhmeteff Archive. Columbia University. Box 2. См. по теме: «За день в Латвии. Уход В.И. Снегирева», *Слово*, 1926, №44, 5 января, стр. 6.

32 V. Burtsev Papers. Bakhmeteff Archive. Columbia University. Box 1.

катастрофу, постигшую страховое общество «Саламандра», дочерним предприятием которого было одноименное издательство, полагал, что Н. Белоцветов – издатель *Слова*, журналов *Перезвоны*, *Юный Читатель*, *Новая Неделя* –

слишком верил в русского читателя-эмигранта и «размахнулся» изданиями газеты и журналов не по силам своих частных средств!³³

В более мягкой форме, но такого же мнения (замаскированное разочарование в народе) придерживался и Лукаш в некрологе бывшему издателю *Слова*, напечатанном в *Возрождении* под криптонимом И.Л.:

<...> Белоцветов ошибся, может быть, только в том, что полагался на поддержку своего дела местным населением...³⁴

* * *

Вернемся к отъезду Лукаша из Риги в конце апреля 1927 г. Возможно, он пожалел, что покинул Латвию несколько преждевременно – через две недели после его отъезда П. Милюкову в Риге, на лекции, студентом В. Адеркасом была нанесена пощечина³⁵ – отличный повод для выражения той или иной газетой своих политических симпатий. Но и из Парижа Лукашу довелось заявить о своем отношении к «открыто лживому провокационному освещению инцидента газетой *Сегодня*».³⁶

Вскоре между газетами возник очередной конфликт. 11 июня *Сегодня* известила читателей, что

министр внутренних дел подписал распоряжение о высылке из Латвии журналиста Н. Бережанского и брата недавно высланного Федора Фехнера – Александра Фехнера.³⁷

33 См.: Г. Нео-Сильвестр. *На буреломе*, стр. 128.

34 И. Л<укаш>, «Н.А. Белоцветов», *Возрождение*, 1935, 8 октября, стр. 3.

35 См. об этом: «Инцидент с Милюковым в Риге», *Балтийско-русский сборник*. Кн. II. *Материалы по истории русской жизни в Риге и Каунасе. Из Архива Гуверовского института*. Изд. подготовили Л. Флейшман и Б. Равдин (*Stanford Slavic Studies*. Vol. 28) (Stanford, 2007), стр. 203–239.

36 Иван Лукаш, «П.Б. Струве, П.Я. Рысс и С.П. Мельгунов о милюковском инциденте», *Слово*, 1927, №523, 2 июня, стр. 2.

37 О полковнике Федоре (Теодоре) Юльевиче Фехнере (род. 1887) и его брате Александре (род. 1897), в разные годы высланных из Латвии, см.: Т. Фейгмане. *Русские в довоенной Латвии* (Рига: БРИ, 2000), по указателю; о Ф. Фехнере см.: С.В. Волков. *Офицеры российской гвардии. Опыт мартиролога* (Москва: Русский путь, 2002), стр. 498; о пребывании братьев Фехнеров в Венгрии в конце 1920-х – нач.

Как передают, мотивом высылки является то, что оба вышеуказанных лица, располагая нансеновскими паспортами, являются нежелательными для Латвии иностранцами, так как их деятельность идет вразрез с интересами государства. <...> Высылка Фехнера имеет связь с прежним делом, когда к ответственности была привлечена целая группа из 10 лиц, которым было предложено покинуть территорию государства.³⁸ Некоторым из этих лиц потом разрешено было на известный срок остаться, но теперь министерство пересмотрело свое постановление и этот срок сократило. Как известно, брат высланного, Ф. Фехнер, был обвинен в активном монархизме и в сношениях со штабом вел. кн. Кирилла Владимировича.

Как сообщают, сокращение срока разрешения для А. Фехнера находится в связи с его ярко монархическими убеждениями. <...>

Дамоклов меч высылки висел <...> уже давно. Бережанскому не без труда удалось получать пролонгацию и в течение последнего времени ему каждый раз пролонгировали визы не более, чем на 2 недели.³⁹

С некоторыми сокращениями и одновременно – дополнениями этот же текст в тот же день был помещен в газете *Pēdējā Bīdī*.⁴⁰ 15 июня рижские новости стали предметом анонимной заметки в *Возрождении*, причем в парижской информации возникли сведения, что Бережанского, как и А. Фехнера, обвиняют в сношениях с великим князем Кириллом Владимировичем:

Высылка русских из Латвии

Рига, 12 июня. Министр внутренних дел подписал распоряжение о высылке из Латвии редактора рижской русской газеты «Слово», Н.Г. Бережанского и четырех русских эмигрантов, в их числе Ф. Фехнера и Богушевича. Официальный мотив высылки «деятельность этих лиц», якобы, «идущая в разрез с интересами государства» и «связь с В. Кн. Кириллом Владимировичем» (?)

1930-х гг. см.: <Ф. Фехнер>, «Письмо в редакцию», *Сегодня*, 1931, №92, 2 апреля, стр. 3; «Мнимое покушение на эрцгерцога Альбрехта», *Возрождение*, 1932, 22 июля, стр. 5. Агентурные сведения о намерении А.Фехнера поджечь советское полпредство в Риге (см., напр.: A. Stranga, «Krievu labējās monarhistiskās organizācijas Latvijā», *Latvijas Jaunatne*, 1991, 3. sept., 2. lpp.) не отражены в картотеке Политического управления Латвии на искомое лицо и являются, скорее всего, ошибочными.

38 См. об этом: «Arcietināti monarhisti un spekulanti», *Pirmdienā*, 1927, №107, 21. martā, 3. lpp.

39 *Сегодня*, 1927, №128, стр. 5. В Удостоверении личности Н. Бережанского соответствующая запись значится под 13 июня. Там же отмечено, что покинуть страну Бережанскому предлагалось до 1 июля. См.: LVVA. 2996. F., 10. arg., 38978. l., 9. lp.

40 «Kā izsūtīs Berežanski un Fehneri», *Pēdējā Bīdī*, 1927. g., №81, 11. jūnijā, 6. lpp.

На самом же деле, эта тяжелая репрессия против русского журналиста и четырех других русских вызвана кампанией, поднятой после инцидента на лекции в Риге другой местной газетой, издающейся тут на русском языке, давлением кругов этой газеты на некоторых членов правительства, и даже провокационными доносами в печати, последствия чего уже сказались в Эстонии, откуда также высланы недавно 5 русских эмигрантов.⁴¹

В том же номере *Возрождения*, на той же странице рижскими новостями поделился П. Ловчий (псевдоним Короля-Пурашевича) в статье.

Редактор «Слова» под угрозой высылки

Нам пишут из Риги. Здешнее русское общество снова взволновано травлей, какую подняла теперь, после прискорбного инцидента на лекции в Риге, часть здешних кругов против редактора газеты «Слово» Н.Г. Бережанского.

На Бережанского, между прочим, подан донос, обвиняющий его ни больше ни меньше, чем... «в симпатиях к Великому Князю Кириллу Владимировичу».

В местной, падкой на выдумки понедельничной газете «Педеас Бриди» <Правильно: Педея Бриди. – Б.Р.> уже дана заметка под заглавием: «За что высылается Фехнер и Бережанский», в которой сообщается ряд вздорных вымыслов, что «Слово» издается на деньги Вел. Кн. Кирилла Владимировича, что Бережанский был знаком (!) с Фехнером, которому инкриминируются «Кирилловские симпатии» и пр.

Русские в Риге понимают, что вся эта беззастенчивая кампания только мстительная расплата с Бережанским, который занял в дни рижского инцидента со всем русским, независимым, общественным мнением ту же объективную позицию, при оценке инцидента, что и газета «Возрождение».

С Н.Г. Бережанским теперь решили «расправиться» путем доносов, но сюжет для доносов выбран до крайности неудачный.

В Риге хорошо известно, что Бережанский ни с какой стороны «не монархист» и тем более «кирилловец». «Слово» в свое время прямо боролось с «кирилловцами», а сам Бережанский, недавний сотрудник соц.-рев. «Воли России» и «Дней», даже побывал в первую революцию и на политической каторге и в тюрьме.

Газета же «Слово», как тоже хорошо известно в Риге, издается вполне аполитической, крупнейшей в Прибалтике акционерной компанией печатного дела «Саламандра», преследующей исключительно национально-культурные цели и ни в каких темных деньгах не нуждающейся.

Тем не менее, как вашему корреспонденту удалось выяснить, латвийское министерство, в связи с доносами, уже отказывает Бережанскому в дальнейшем праве пребывания в Латвии, с предупреждением об аресте его, если он в двухнедельный срок не покинет пределов республики.

Совершенно ясно, что весь этот темный поход против русского журналиста только сведение провинциальных счетов. В Риге даже называют имена тех, кто занялся этой травлей. Конечно, это сами русские. Ни латвийское общество, ни латвийское правительство

41 *Возрождение*, 1927, №743, стр. 3.

никогда не оказывало, само по себе, никакого давления ни на русскую прессу в Латвии, ни на русских журналистов.

Но безобразная травля, поднятая некоторыми русскими крутами против самих же русских, по-видимому, может теперь вызвать в Риге те же тяжелые репрессии, который разразились уже над русскими в Эстонии. Хочется надеяться, что русское общество и, тем более другая местная газета «Сегодня» выступят на защиту русского журналиста.

Несмотря на некоторые околичности, оба материала из *Возрождения* за 15 июня недвусмысленно намекали на то, что своей высылкой редактор *Слова* обязан газете *Сегодня*, доносу *Сегодня* на Бережанского. Блюдя свои интересы, такой же точки зрения, едва завуалированной, придерживалась и газета *Latvijas Sargs* за 14 июня в статье *Выдворение русских монархистов из Латвии*:

Нам сообщают, что к делу выдворения Бережанского большую роль играло и то, что он ведет русскую газету «Слово», конкурирующую с еврейским изданием левого направления.⁴²

Несколько позднее та же *Latvijas Sargs* в статье ««Слово» и «Сегодня»» уже без обиняков утверждала, что именно закулисная деятельность газеты *Сегодня* послужила причиной готовности МВД выслать Бережанского.⁴³

По сведениям *Возрождения* в борьбу за Бережанского включился депутат Сейма архиепископ Иоанн (Поммер):

Нам пишут из Риги:

Вопрос о высылке, без каких-либо оснований, редактора русской газеты «Слово» Н.Г. Бережанского все тяжелее волнует русское общество Латвии.

На защиту гонимого, по темным проискам, русского журналиста, горячо выступил архиепископ всей Латвии Иоанн, член Латвийского Сейма. Владыка Иоанн посетил на днях по делу Н.Г. Бережанского министра внутренних дел.

По слухам, Владыка Иоанн указал, что Бережанский выехать не может, что выехать ему некуда и не на что, и что он, больной туберкулезом, вынужден будет сесть в тюрьму.

По слухам, Владыка Иоанн заявил министру внутренних дел, что если Бережанского арестуют, – (за какие преступления?), он, Архиепископ всей Латвии Иоанн, вступит в исполнение обязанностей Н.Г. Бережанского по редактированию русской газеты «Слово» и по праву депутата Сейма каждый день будет приходить к русскому журналисту в тюрьму и приносить ему редакционный материал.

42 -sk-, «Krievu monarhistu izraidīšana no Latvijas», *Latvijas Sargs*, 1927, №130, 1. lpp.

43 -k-, «Slovo' un 'Segodņa'», *Latvijas Sargs*, 1927, №137, 27. jūnijā, 2. lpp.; перепечатано в *Слове*, 1927, №544, 27 июня, стр. 1. См. еще по теме: Ник. Бережанский, «Чувствительность с запозданием», *Слово*, 1927, №546, 29 июня, стр. 2. J.B., «Politiskās un saimnieciskās paraleles», *Latvijas Sargs*, 1927, №138, 1927, 4. jūlijā, 1. lpp.

Как нам сообщают, вопрос о высылка Н.Г. Бережанского будет на днях передан на решение кабинета министров.

Надобно надеяться, что правительство Латвии, всегда с исключительным вниманием относившееся к прессе и журналистам, ознакомясь со всеми материалами, отменит теперь неосновательное и несправедливое постановление администрации.⁴⁴

В 1930 и 1932 гг. Н. Бережанский искал подданства Латвии. В соответствующем деле отложились справка Политического управления Латвии от 5 января 1933 г.:

...по имеющимся сведениям Политического управления Николаю Григорьевичу Козыреву (Бережанскому) за монархическую пропаганду и связь с зарубежными монархистами в 1927 г. угрожала высылка из Латвии, но по просьбе архиепископа Иоанна <Поммера> высылка не случилась. В указанное время Козырев-Бережанский числился редактором монархической газеты «Слово».⁴⁵

Пространным комментарием к ситуации с Бережанским служит письмо М. Мильруда А. Амфитеатрову, в основе которого лежит стремление убедить своего корреспондента в том, что позиция *Сегодня* по некоторым вопросам заслуживает большего доверия и уважения, нежели это представляется Амфитеатрову (автору *Сегодня*). Во имя этой цели Мильруду пришлось отойти от обычной сдержанности и объективности в отношении к газете *Слово* (главному конкуренту *Сегодня*), которая заслуженно пользовалась вниманием в русском Зарубежье.

Рига, 18 июля 1927 г.

Глубокоуважаемый Александр Валентинович!

Вы спрашиваете по поводу истории с Бережанским, о которой до Вас дошли слухи из Парижа. Источники этих слухов и их характер мне хорошо известен. На парижском горизонте появился мерзавец Лукаш, который

44 Т.А., «Защита архиепископом Иоанном редактора «Слова», *Возрождение*, 1927, 29 июня, стр. 3. В рижской печати эта заметка нами не обнаружена. Кто скрывается за псевдонимом Т.А. выяснить не удалось. Судя по некоторым данным, это кто-то из регулярных авторов *Возрождения*.

45 LVVA. 3234. F., 2. arg., 33114. l., 11. lp. См. там же, 17. lp., где, по сведениям МВД Латвии, Бережанский – сторонник вел. кн. Николая Николаевича (а не Кирилла Владимировича, как пыталось представить *Возрождение*). На наш взгляд, считать Бережанского «николаевцем» ли, «кирилловцем» ли нет оснований. Отметим, что прошение Бережанского на гражданство сопровождается припиской архиепископа Иоанна, в которой отмечались заслуги Бережанского перед Латвией в годы революций 1905 и 1917 гг. (Там же, 1. lp.)

упорно мажет нас всех дегтем и вымещает свою злобу за удаление из «Сегодня». Не могу до сих пор простить себе, что я в свое время приютил этого прохвоста в нашей газете, а еще больше ругаю себя за малодушие, когда в 1919 году тоже вытащил Лукаша из грязи. Летом этого года он работал в коммунистической военной газете, а когда пришли денкиинцы и заняли Киев, сразу объявил себя белогвардейцем. В Киеве тогда было очень много столичных журналистов, бежавших на Украину из Москвы и Петербурга, и все они перестали подавать руку Лукашу. Он всенародно каялся, плакался всем в жилет,⁴⁶ и я тогда пожалел его ради жены и двух детей (для характеристики этого типа можно еще добавить, что эту семью свою он потом оставил на голодную смерть) и взял его в газету добровольческого направления, которую я тогда редактировал в Киеве.⁴⁷

После этого он попал уже к нам в «Сегодня», откуда после грязной истории⁴⁸ мы его удалили. Перед отъездом в Париж он всячески искал примирения со мною, обращаясь даже к посредничеству архиепископа Иоанна, с которым я лично очень считаюсь и которого очень люблю. Но даже и Иоанну я должен был отказать в предложении примириться с Лукашем. Вот Вам объяснение тех мотивов, из-за которых Лукаш брызжет теперь клеветой по нашему адресу.

Теперь по существу вопроса. Бережанский и Лукаш обрадовались истории с Милюковым и связали угрозу высылки Бережанского с этим инцидентом.

46 Ср. сведения И. Лукаша о киевском этапе его биографии в письме С.А. Кречетову от 21 февраля 1923 г.: «И я дошел даже до сношений с «красными» журналистами и согласился дать под псевдонимом, один чисто литературный мой рассказ в красный журнал <...>. Поэтому, – когда пришли добровольцы, – я первым делом, сам, по собственному почину, нарядил над собой нечто в роде литературного суда – в составе философа Шестова, свящ^{ен}ника К. Агеева, журналиста Португалова (других не помню) – и был этим общественным судом за участие, – невольное и необходимое по обстановке, – в крас^{ном} журнале – оправдан вполне». – А.И. Серков, «Масонская ложа Великий Свет Севера и русские писатели (1922–1933 гг.)», – (http://lihtloge.de/?page_id=33).

47 Речь идет о газете *Киевская Мысль*. О М.С. Мильруде (1916–2006) см.: «Рижская газета *Сегодня* и культура русского Зарубежья 1930-х гг.», в кн.: Л. Флейшман, Ю. Абызов, Б. Равдин. *Русская печать в Риге: Из истории газеты Сегодня 1930-х годов*. Книга I, стр. 69–243; Лазарь Флейшман, «Памяти М.С. Мильруда», *Балтийско-русский сборник*. Книга II. *Материалы по истории русской жизни в Риге и Каунасе. Из Архива Гуверовского института*. Издание подготовили Лазарь Флейшман и Борис Равдин (*Stanford Slavic Studies*. Vol. 28) (Stanford, 2007), стр. 13–27.

48 О какой «истории» идет речь – сведений у нас нет. Можно лишь предположить, что «история» это как-то связана с конкурентами *Сегодня*.

Это, конечно, гнусная ложь. Вообще вся история с Милюковым получила совершенно превратное освещение и мне очень обидно, что и Вы поддались неверному и тенденциозному освещению и в своей статье в «Свободе»⁴⁹ очень недвусмысленно прошлись по нашему адресу. Но это дело иное.

Вопрос же о высылке Бережанского ничего общего с Милюковской историей не имеет. Вопрос этот имеет двухлетнюю давность и начался с того момента, как два года тому назад Бережанский вернулся в Ригу. Приехал он сюда на основании заявления о том, что ему нужны две недели для урегулирования своих дел, а затем, путем всяких оттяжек, добился того, что оставался в Риге.⁵⁰ Только такой негодяй, как Лукаш и ему подобные, могут допустить, чтобы мы способны были писать какие бы то ни было доносы на Бережанского. Мало того, мы всячески содействовали тому, чтобы он оставался в Риге. Для этой цели один из наших сотрудников, имеющий в Министерстве внутренних дел связи, все время выступал с ходатайствами за Бережанского, и его ходатайства каждый раз давало положительные результаты, а, во-вторых, еще года полтора тому назад вопрос о высылке Бережанского дебатировался в Сейме, и депутат Каллистратов выступил с протестом по поводу этой высылки.

Мы были единственной газетой, которая этот протест воспроизвела (легко проверить),⁵¹ и меня лично Бережанский благодарил за поддержку, оказанную ему. А теперь? – вот после милюковской истории, когда вообще «Слово» взяло на себя защиту хулиганов, понадобилось создать шум и лишний раз лягнуть и нас. В ход была пущена клевета о доносе с нашей

49 Речь идет о статье А. Амфитеатрова «Листки»; опубликована не в варшавской *Свободе*, а в парижском *Возрождении* 1 июня 1927 г. (№729, стр. 3). Воспроизведена была в *Слове* 5 июня (№526, стр. 2–3).

50 Сведения М. Мильруда неточны. Ср. выше прим. 16.

3 марта 1926 г. на заседании Сейма Латвии один из депутатов, Ф. Циеленс в своей речи, в частности, заявил, что Н. Бережанский участвовал в антилатвийских событиях 1919 г., в аванюре П. Бермондта-Авалова («... один из членов редакции газеты «Слово», Бержанский <так!> был бермонтовцем», что Бережанский и ему подобные должны быть «по возможности быстро из Латвии выдворены» – *Latvijas Republikas II. Saeimas Stenogramas. II. sesija*. 1926. gads.

51 3. martā (Rīgā, bez gada), 356.–357. lpp.; это заявление дискуссии не вызвало, но от имени Русской фракции Сейма депутаты М. Каллистратов и Е. Тихоницкий через несколько дней через печать выразили протест против ложных обвинений в адрес редактора *Слова*, отметив, что, напротив, в 1919 г. Н. Бережанский, в качестве сотрудника газеты *Сегодня* выступал против бермонтовщины. Письмо это было напечатано в газете *Sociāldemokrāts* (1926, №57, 12. martā, 4. lpp.); в газетах *Сегодня*, *Сегодня Вечером*, *Понедельник* (понедельничное издание газеты

стороны. К нашему удовольствию, Бережанского не выслали и он остался. Говорю, к удовольствию, совершенно искренне. Вся наша редакция состоит из таких же эмигрантов, как Бережанский, и уже по эгоистическим соображениям мы не можем допустить, чтобы создавался прецедент и журналисты отсюда высылались. А, кроме того, Бережанский как редактор и руководитель газеты настолько бездарен, что как конкурент он нам совершенно не страшен. Сравните любой номер наших газет и Вы сами скажете, что такая конкуренция для нас не опасна.

В начале письма я вскользь упомянул о Вашем соучастии к выпадам по нашему адресу. Должен признаться, что раз уже написал Вам письмо по этому поводу, но оно была написано под свежим впечатлением Вашей статьи в варшавской <должно быть: парижской. – Б.Р.> газете, с торжеством подхваченной «Словом» и преподнесенной читателям с указанием, что это пишет не кто-нибудь, а «постоянный сотрудник «Сегодня»». Но потом я не счел себя вправе обращаться к Вам с какими бы то ни было упреками и письмо уничтожил. Но и сейчас, когда вся эта история отошла в область прошлого, не могу не признать, что Вы впали в большую ошибку, взяв на себя защиту (конечно, косвенную) Адеркаса и его вдохновителей. <...> <Мы> имеем честь считать Вас своим постоянным сотрудником. А вот Вы иногда стоите, как видно, на иной точке зрения и рады возможности пройтись по нашему адресу, как будто забываете о том, что газета «Сегодня» Вам не совсем чужая и право же имеет кое-какие заслуги, за которые можно простить иногда и некоторые ляпы. <...>

Между прочим, когда несколько лет тому назад Бережанский покинул Латвию, он сделал это, несмотря на то, что дал подписку о невыезде, а последняя была взята у него по делу о ложных доносах его, Бережанского, на других лиц. Об этом в свое время было опубликовано в местных латвийских газетах. Меня в этот период еще не было (живу здесь всего три года) и пишу Вам на основании слов коллег по редакции, в достоверности которых отнюдь не сомневаюсь. Тем более, что они могут указать латышские газеты, в которых все это писалось.⁵²

Сегодня) в пределах ближайших двух недель после выступления Ф. Циеленса письмо Каллистратова-Тихоницкого нами не обнаружено. О позиции Н. Бережанского в дни бермонтовщины см.: Л. Флейшман, Ю. Абызов, Б. Равдин. *Русская печать в Риге: Из истории газеты Сегодня 1930-х годов*. Кн. I, стр. 35, 77.

52 Н. Бережанский привлекался к суду по обвинению в клевете на М. Тьедера, чиновника министерства земледелия и одновременно сотрудника газеты *Рижский*

Простите за чересчур длинное письмо.

Спасибо, что вспомнили о грядущих именинниках.

Сердечный привет от всей редакции.

Душевно Вам преданный

М. Мильруд.

* * *

В июне 1935 г. скончался Н. Бережанский. По редакционным обязанностям слово прощания в *Возрождении*, полагаем, должен был писать Лукаш. Но некролог, за подписью «Ъ», появился только спустя два месяца после смерти Бережанского. Видимо, столь длительная задержка была вызвана болезнью Лукаша и ожиданием его выздоровления. Категорически утверждать, что криптоним «Ъ» принадлежит именно Лукашу, не беремся, но исключить подобное нельзя – в некрологе звучит отражение давних взаимоотношений между соредакторами:

Он мог казаться резким со своими близкими и друзьями, но под этой резкостью близкие люди и все хорошо знавшие его любили и ценили в нем совершенно светлую, беззлобную и даже наивную детскую душу.⁵³

Криптонимом «Ъ» одновременно подписаны два некролога: Н. Бережанскому и известному рижскому журналисту Б. Шалфееву. Обе эти кончины, пишет «Ъ», объединены тем, что и Бережанский, и Шалфеев умерли смертью «от злого недуга, чахотки».⁵⁴ Туберкулезом страдал и сам И. Лукаш (от этой болезни он и скончался).

Курьер, во взяточничестве. После первого судебного заседания Бережанский, признав свою вину и дав подписку о невыезде, через несколько дней выехал в Берлин. Судя по материалам газет, обвинение в адрес Бережанского было разовым, а не многократным, как это было представлено Мильрудом (позднее М. Тьедер за взяточничество был осужден на 2,5 года). См.: trs., «Aizbēdzis» [Убежал.], *Darba balss*, 1922, №45, 24. februāri, 3. lpp; a., «Berežanskis aizbēdzis» [Бережанский убежал], *Latvijas Sargs*, 1922, №46, 25. februāri, 2. lpp.; «Дело Тьедера», *Сегодня*, 1922, №97, 3 мая, стр. 4. Пикантность ситуации заключалась в том, что Бережанский выступал против Тьедера, будучи сотрудником *Сегодня*, а судебное заседание состоялось в дни, когда Бережанский ушел из *Сегодня* в *Рижский Курьер*. По материалам отмеченной выше латышской печати выявляется псевдоним Н. Бережанского в *Сегодня*: М. Аркадский (соответственно: М. Арк.).

53 Ъ, «Н.Г. Бережанский», *Возрождение*, 1935, 24 августа, стр. 4.

54 Н. Бережанский страдал туберкулезом, но в свидетельстве о смерти Н. Бережанского причиной смерти указана «сердечная болезнь». См. LVVA. 2996. F., 10. arg., 38979. l., 2. lp.

Годом ранее Лукаш откликнулся и на смерть редактора *Сегодня* М. Ганфмана, своего первого редактора, еще в дореволюционную эпоху. Лукаш, высоко оценив редакторские и человеческие достоинства Ганфмана, отметил его преданность «школе русского журнального дела», припомнил совместные прогулки по Риге.⁵⁵

Видимо, о причинах своего изгнания из *Сегодня*, о своих выпадах в адрес газеты с печалью вспоминал Лукаш в письме Ганфману от 7 февраля 1931 г.:

Глубокоуважаемый Максим Ипполитович,

Если я не простил себе многие и тяжелые рижские ошибки, решаюсь надеяться, что, может быть, те, кого я мог обидеть, простили мне теперь. Как бы то ни было, такой надеждой я живу и буду жить впредь. Именно это и побудило меня на письмо к Вам.⁵⁶

В архиве газеты *Сегодня*, где сохранилась переписка газеты с авторами за 1930-е годы, ответа И. Лукашу мы не нашли.

С 1926 г. и до последних дней существования *Сегодня* в ней не было напечатано ни одной рецензии, ни одного слова о Лукаше-писателе, в то время, как до рокового конфликта его имя мелькало в критических разборах, ему посвящались статьи, рецензии, дружеские шаржи.⁵⁷

Во время войны, уже после смерти И. Лукаша, его имя снова вернулось в Ригу. Отделом пропаганды немецкой группы армий «Норд» было издано два его романа: «Вьюга» и «Дьявол».⁵⁸ Автор рецензии на второй роман – Е.С.,⁵⁹ т. е. – Елена Сергеевна Кузнецова, вдова П. Пильского, неоднократно до 1926 г. так или иначе обращавшего внимание читателей, в т.ч. и читателей *Сегодня*, на творчество И. Лукаша.

55 И. Лукаш, «М.И. Ганфман», *Возрождение*, 1934, 16 ноября, стр. 2. М.б. показательно, что в Риге Лукаш первоначально поселился на бульваре А. Кронвальда, до переименования – бульвар Пушкина.

56 Ю. Абызов, Б. Равдин, Л. Флейшман. *Цит. соч.* Кн. II, стр. 193–194. В этом же письме И. Лукаш рекомендует в *Сегодня* рукопись Г.А. Оцуца.

57 См. Ю. Абызов. *Русское печатное слово в Латвии 1917–1944 гг.* Библиографический справочник. Ч. II, стр. 411.

58 См.: Б. Равдин, «Предварительный список русских изданий, выходивших на оккупированных территориях, в Германии и некоторых сопредельных европейских странах в 1941–1945 гг.», *Wiener Slavistisches Jahrbuch*. Vol. 3 (2015), стр. 326.

59 См.: Е.С.<ергеева>, «Новые книги», *За родину* (Псков <Рига>), 1943, №101, 2 мая, стр. 3.